

Александр Левитов

Бабушка Маслиха

Александр Иванович Левитов

Бабушка Маслиха

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657465

Сочинения: Худож. лит.; М.: 1977

Аннотация

«Ни разу не слышал я, чтобы кто-нибудь пел так хорошо, как певала в старину бабушка Маслиха. И хлеба тоже во всем нашем городке ни одна торговка лучше ее не пекла.

Бывало, спит еще маленький городок, на далеком востоке небесном только чуть-чуть показались золотистые тонкие лучи, предвещающие появление солнца; прохладные, далеко гонящие дремоту утренние туманы носятся над сонными улицами какими-то грозно одушевленными снопами; по самым улицам ленивою и неслышною поступью тянется нескончаемый обоз с камышинскою солью...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Иванович Левитов Бабушка Маслиха¹

I

Ни разу не слышал я, чтобы кто-нибудь пел так хорошо, как пела в старину бабушка Маслиха. И хлеба тоже во всем нашем городке ни одна торговка лучше ее не пекла.

Бывало, спит еще маленький городок, на далеком востоке небесном только чуть-чуть показались золотистые тонкие лучи, предвещающие появление солнца; прохладные, далеко гонящие дремоту утренние туманы носятся над сонными улицами какими-то грозно одушевленными снопами; по самым улицам ленивою и неслышною поступью тянется нескончаемый обоз с камышинскою солью, с саратовской золотою пшеницей, и во всей этой мертво спавшей, но мирившей со всякой мирской злобою жизни, ей-богу! нельзя было разобрать, кому слаще спится, кому добрей грезится: чумакам ли из-под Пирятина, что идут около своих тучных волов, глухо пошаркивая далеко пахнущими дегтем сапожищами, или самим волам. Склонивши глазастые и рогатые головы на старинную деревянную запряжку, шагают быки и

будто думают, — будто они думают о чем-то таком важном, что вот против их воли приподнимает к рассветающему небу их тяжелые, опущенные к росистой земле головы — и во все их звонко щемающие горла дружным хором заставит вскрикнуть: «Ой вы, чумаки-чумачищи пирятинские! Не пора ли вам, чумачищи пирятинские, нас, быков черноморских, из тяжелой упряжи выпрячь?.. Ой, не мы ли с вами, быки черноморские, всю нашу степь летними господними ночами тихим походом прошли? Видели мы вместе с вами в те темные ночи, как в степи дальние села ярким пожаром горели, слышали, как поперед нашего обоза в глухую полночь громкий крик человеческий, что из-под светлого лиходейского ножа вылетал, дюже разрезывал, — с вами вместе, усастые чумачищи, мы жаркими днями были жаждой палимы, а страшными ночами — бескормицей, — распрягайте же нас, чумаки, поскорее и давайте нам отдых...»

Но сладкая заревая дремота не давала выкричаться этой бычачьей думе, следовательно, в ничем не нарушаемой тишине спящего городка еще звонче, чем в тревожное время жаркого полдня, раздавалось пение бабушки Маслихи, которая, несмотря на раннее утро, уже везла на базарную площадь полную тележку с хлебом, с пареными грушами, вареными печенками и прочим снадобьем, до какого такие охотники эти чумаки, распрягающие наконец на той же площади своих усталых волов.

С каждым днем все пуще и пуще забывает степь свои ста-

ринные песни и сказки. Ныне разве только в светлой хоро-
мине старообрядца можно услышать те псалмы, которыми
некогда Маслиха будила наш город. Ее внучка даже, вышед-
шая замуж за городского попа, поет уже большею частию со-
всем не то, что некогда певала она на базарной площади с
своей бабкой. Ее сыновья-семинаристы с каждой побывкой
домой привозят ей из губернии всё новые книги, из кото-
рых сам поп выбирает самые лучшие стихи, и тогда попов-
ский залик, весь заставленный пахучими степными цветами,
с мастерски написанными образами и картинами хозяйской
работы, развешанными по ярко выбеленным стенам, тогда,
говорю, этот залик оглашается грустным звоном старинных
гуслей и дружным хором семьи, который сходиллся слушать
весь город.

Да! совсем другое ныне поется в степи. Поповская семья
поет ныне Некрасова и Кольцова, приводит в неизъяснимый
восторг своих уличных слушателей церковными молитвами
Львова и Бортнянского², а тогда, когда жила бабушка Мас-
лиха, ничего такого мы – степняки – одним ухом даже не
слыхивали.

Были, конечно, и в те времена люди, которые ни свет ни
заря выползали из кабаков и горланили, приложив руку к

---

² ...молитвами Львова и Бортнянского. – Львов Алексей Федорович (1798—1870) — композитор и скрипач, директор придворной певческой капеллы (до 1861 года), автор многих оригинальных сочинений для церкви. Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — русский композитор, известен как автор хоровой церковной музыки.

раскрасневшейся щеке, что вот-де «*был я, мальчик, на почтовом дворе*», точно так же, как и в поповское время есть ухащи, какие до беспамятства одуряются завезенною московским молодцом песней, рассказывающей про то, как этот дурчина, всю жизнь свою процветавший в лавке под хозяйским безменом, был будто бы одним вечером в *маскараде*. Поистине: ничего нет во всем мире безобразнее этой ленивой и исполненной какой-то невыразимой тупости песни; но тем не менее часто случалось так, что нелепые крики, выражавшие, как именно шатался по *маскараду* лавочный осел, гармоника, свист и пляска, которые обыкновенно сопровождают те крики, сполна заглушали прекрасное пение, которое разливал на темный городишко светлый поповский дом.

Большим походом идут новые новости на старую степь, с каждым годом все больше и больше наплывает на нее тех новостей. И, словно бы, сказать не соврать, новости эти мало добра с собою приносят, словно бы от них истома какая-то нападает на степных людей и болезнь... То ли оттого это, что мы к старому очень привыкли, а то и оттого, может быть, что не наши они, а надувает их на нас, как злую холеру, ветер далекий...

Знает про то один господь-батюшка. Он у нас могучей рукою своей в последние годы даже как бы изменил день и ночь, вечер и утро. Все это как-то не так ложится теперь на нашу благодатную землю, как в старину ложилось, потому что заговорили теперь степные смиренные люди так, как в

прежние годы им редко говорить доводилось:

– Что это ныне хлебушка-то у нас не очень, чтобы тово... – толкуют мужики. – И травки зеленые тоже не так чтоб... Пожалуй, эдак-то будет, так скотина-то у нас дюже притомится за зиму-то...

– Да, вот он какой ныне, хлебушка-то! – вздыхал другой. – Ты про скотину помолчи лучше, потому Христос над ней за-всегда. Ты про себя пораздумай, про семью. Ей будет ли что в рот положить?..

– Н-ну, торговля ныне пошла! – озлобленно восклицают мещане, сердито выпыхивая зеленый дым из коротеньких трубочек. – То есть вот до чего обголодал я с этой торговлей, что в охотники хочу наниматься³...

– А мне, – угрюмо договаривает другой, – ежели бы только не совесть, так хоть под дорогу с острым ножом становиться, так в ту же пору... Погляжу вот, что еще будет, а то куда кривая не вынесет... Хуже-то, пожалуй, вряд ли и там будет...

Вот сколь сладкие разговоры заступили ныне место сладкого Маслихина пеня!

---

³ ...в охотники хочу наниматься – то есть в солдаты, вместо того, кто должен идти по рекрутскому набору.

II

Перемерли старые люди в степи, переменились разговоры, пошли другие и песни, так что от бабушки Маслихи я уже от последней слышал, как она начинала свой многотрудный день какою-то полупесней, полумолитвой:

Жертву богу приношу,
Благодати я прошу.
Господи, помилуй создание твое!

Скрипит по пыльной дороге ее тяжело нагруженная тележка – тащит ее бабушка Маслиха, высокая такая старуха, с крутым лбом, полузакрытым ситцевым шлыком, с сердитыми на первый взгляд, но умными чертами лица, – тащит старая торговка свою телегу и временем, невзирая на раннее и, следовательно, прохладное утро, словно бы отмахиваясь от чего то одной, то другой рукой, отирает с желтых впалых щек трудовые, потные капли. Так плавно ходила Маслиха в своей упряжи, что, кроме этих редких отмахиваний, в ней нельзя было подметить ни одного движения, которое бы хоть сколько-нибудь нарушало ту важность, с которою она хаживала на трудное дело честного кормления от своих собственных, как она выражалась, вдовьих рук.

Словно бы, говорю, не шла Маслиха, а плыла, и в это

длинное плавание, которое совершала она от своей избышки, как-то пугливо, совершенно по-сиротски прилепившейся на самом краю города, до рынка, она преимущественно любила петь длинную старинную псалму, начинавшуюся так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.